

И.В. Трофимов

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ – КАЛЛИГРАФ

Иосиф Васильевич Трофимов (1947-2007) – авторитетный ученый и замечательный человек, жизнь которого была связана с различными культурными пространствами. Родился в Литве, в крестьянской старообрядческой семье; учился в Вильнюсском и Калининградском университетах; семь лет преподавал школьникам Калининградской области русскую словесность. Впоследствии работал преподавателем в университетах Стерлитамака (Башкирия) и Дрогобыча (Украина). В 1988 году И.В. Трофимов стал работать в Даугавпилсском университете (Латвия), где прошел путь от доцента до профессора и пользовался огромным уважением со стороны коллег и студентов.

Научные интересы Иосифа Васильевича были разнообразны. В начале научной деятельности И.В. Трофимов был вдумчивым исследователем творчества Н.А. Некрасова, одним из любимых учеников проф. А.М. Гаркави – известного красоведа. В библиографическом списке научных работ и публикаций И.В. Трофимова, созданных на протяжении тридцати восьми лет, содержится более 170 единиц. Здесь представлены исследования, посвященные разнообразным, разновременным и разноуровневым персоналиям русской литературы и культуры: Н. Гоголю, И. Брычанинову, И. Тургеневу, А. Островскому, А. Дружинину, А. Писемскому, П. Мельникову (Печерскому), А. Чехову, Ф. Сологубу, А. Белому, С. Есенину, Б. Пильняку, Л. Добычину, С. Кржижановскому, И. Ильину, Б. Зайцеву, М. Осоргину, М. Пришвину, Л. Леонову и многим другим...

И.В. Трофимова всегда интересовала старообрядческая литература, культурный феномен провинции. И все-таки, судя по всему, особое место в интеллектуальной жизни Иосифа Васильевича занимал Гоголь. Мы, коллеги И.В. Трофимова, неоднократно слушали его доклады и лекции о Гоголе. И все же, когда в 2006 году, в Ульяновске вышла книга Иосифа Васильевича «Искушение литературой» с подзаголовком «Николай Гоголь и эстетика духовной прозы первой половины XIX века», она произвела неизгладимое впечатление как одна из лучших книг о Гоголе, вышедших в последнее время, и до сих пор остается лучшей памятью о коллеге, ушедшем в период ярчайшего расцвета своего научного таланта.

Г.Б. Марков, доцент Даугавпилсского университета (Латвия)

Письмо, переписывание, писание как процесс, как физическое действие в произведениях Н.В. Гоголя занимает значительное место и обладает повышенной семантикой. Несколько примеров: в комедии «Ревизор» Хлестаков пишет письмо «в Петербург к Тряпичкину»: «Эй, Осип, подай мне бума-

гу и чернила!»¹. Осип является с чернилами и бумагой. Далее следует игра, в которой сладострастие «писания» становится второй натурой Хлестакова, что подчеркивается Гоголем серией однотипных ремарок: «Начинает писать», «пишет», «пишет»,

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3-4. – М., 1994. С. 257.

«пишет», «пишет», «Продолжает писать», «пишет», «продолжает писать», и, наконец – «Свертывает и подписывает»². Художественно воплотить эту «игру» – уже дело актера.

Но вот и сам процесс. В первоначальной редакции комедии Хлестаков рассказывает о Пушкине – и опять оргия «писания»: «А как странно сочиняет Пушкин. Вообразите себе: перед ним стоит в стакане ром, славнейший ром, рублей по сто бутылка, какова только для одного австрийского императора берегут, – и потом уж как начнет писать, так перо только тр... тр...тр...»³.

В поэме «Мертвые души» производство писанины становится подобным обряду: «Герои наши видели много бумаги, и черновой и белой, наклонившие головы, широкие затылки, фраки, сертуки губернского покроя и даже просто какую-то светло-серую куртку, отделившуюся весьма резко, которая, своротив голову набок и положив ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протокол об оттягивании земли или описке имения <...> Шум от перьев походил на то, как будто несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями»⁴.

Но самая высокая степень сладострастия писания представлена в «Шинели». Служил Акакий Акакиевич Башмачкин, как известно, «чиновником для письма»⁵. Суть служения состояла в следующем: «Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже «перепишите», или «вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему предложил и имел ли на то право. Он брал и тут же пристраивался писать ее»⁶.

Далее Гоголь обстоятельно описывает, как «Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним», как «сыпали на голову ему бумажки», одним словом – мешали. Но... «среди всех этих докуч он не делал ни одной ошибки в письме»⁷.

Дм. Чижевский, эмигрант первой волны, философ, теолог, литературовед, в статье «О “Шинели” Гоголя» справедливо отмечал, что «Гоголь, читатель Отцов Церкви и “Добротолубия”, Гоголь, в котором ряд его друзей видел пророка – или, по крайней мере, учителя жизни, – ведь это тот же самый Гоголь, который написал “Шинель”». Но далее у него необъяснимо странное: «Но мы не хотим здесь давать интерпретацию “Шинели”, исходя из святоотеческой литературы»⁸.

Это «не хотим» до сих пор довлеет над многочисленными писаниями о Гоголе. Это «не хотим» приводит к потребности истолкования лишь одной

страсти, одного «задора» Акакия Акакиевича – страсти «к новой шинели»: «...в “Шинели” задор героя – ниже всего, что мы видим в других местах у Гоголя. И все-таки Акакий Акакиевич имеет задор, он выставляет объект своего задора, свою шинель»⁹. Но ведь дело в том, что есть (или, вернее, был) у героя и другой «задор» – фантастическое поклонение чистому листу бумаги, на котором силой его духовного веления проявлялась Буква.

В повести Гоголя шинель как символ всего материального, вещного в конце концов замещает Букву (символ духовного), и в этом – источник борьбы, составляющей интригу. Но если так много внимания истолкователями Гоголя уделено шинели, как предмету страсти Акакия Акакиевича, то не обратиться ли и к другой, пусть даже и преодоленной, замещенной страсти нашего героя – к его возлюбленной Букве.

В поведении Акакия Акакиевича до той поры, когда его постигла мысль о приобретении новой шинели¹⁰, просматриваются черты монашеского служения, принципы которого сложились еще на заре христианства, будучи зафиксированы в уставах Василия Великого, Бенедикта и др. Если православное монашество строило свой мир согласно установлениям Василия Великого, то западное (европейское) опиралось на авторитет Бенедикта. Гоголь, делая пространные выписки из творений Святых Отцов, часто обращался к имени Василия Великого. Но можно предположить, что подолгу живя в Италии, влюбленный в Италию, он интересовался и жизнью католических монашеских орденов, в том числе и бенедиктинского.

Возвращаясь к Акакию Акакиевичу, следует отметить его истинно монашеское *послушание*, сопряженное с *самоуничижением*. При этом послушание Акакия Акакиевича совершалось почти исключительно в *молчании*, чем подчеркивалась высокая степень его самоотречения. Но и не только. В «В выписках из творений Св. Отцов», Гоголь на это обращает особое внимание, Св. Василий одним из условий сохранения «неизрекаемого учения» считал наличие «недоступного любопытству и выведованию молчание» подвижников, которые «быв здраво научены молчанием охранять святыню таинства»¹¹.

Послушание, самоуничужение и молчание ценны не сами по себе, а как условие сохранения целостности (если хотите – девственности) учения. Акакию Акакиевичу, как известно, по-бесовски мешали исполнению послушания, однако «...среди этих докуч он не делал ни одной ошибки в письме». Этому обстоятельству в средневековой духовной культуре придавалось особое значение. Обратимся опять же к выпискам Гоголя из творений Св. Васи-

² Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 3-4. С. 257-258.

³ Цит. по: Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин. – Л., 1985. С. 255.

⁴ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 5. С. 130.

⁵ Там же. Т. 3-4. С. 110.

⁶ Там же. С. 111.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Чижевский Дм. О «Шинели» Гоголя // Дружба народов. 1997. № 1. С. 215

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ О.И. Скабельская, отмечая недружеское отношение к Акакию Акакиевичу со стороны его сослуживцев, объясняет это тем, что он «другой». Напиши она «иной», и «праведничество» героя приобрело бы характер иноческого служения (см.: Скабельская О.И. «Я брат твой...») (Духовный пласт повести Н.В. Гоголя «Шинель») // Класичнаспадщина і сучасне художнє мислення. – Дрогобыч – Черкасы, 2001. С. 63.

¹¹ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 8. С. 474.

лия Великого: «Един дар достойный: соблюдение дарованного. Давший тебе сокровище требует не цены за данное, но достойного хранения данного»¹².

Это делало труд переписчика особенно почетным и ответственным монашеским послушанием. О.А. Добиаш-Рождественская отмечала: «С началом феодального периода и размножением монастырей книжное дело всецело переходит в руки монахов, чему дает могучий толчок реформа бенедиктинского ордена, осуществленная Кассиодором, который сделал списывание книг одним из главных положений монашеского устава»¹³.

Сам же Кассиодор (ок. 490-ок. 585), основатель монашеского общежития в поместье «Виварий» с библиотекой и скрипторием для переписки сочинений позднеримских и языческих авторов, вошедшей в монашеское братство Бенедикта, писал: «Я должен вам высказать свое желание. Если иные из вас могут осуществить свой подвиг в телесном труде, то мне гораздо более по душе труд книжного писателя <...>. Широко и далеко рассеивается написанное им. Блажен извол, похвальна усидчивость тех, кто щедает людям рукою, отверзает язык перстами, несет смертным молчаливое благо и борется против соблазнов пером и чернилами»¹⁴.

Позже Кассиодору вторил Алкуин (VIII в.):

Пусть в этой келье сидят переписчики Божьего слова
И сочинений святых достопочтенных Отцов;
Пусть берегутся они предезко вносить добавления.
Дерзкой небрежностью пусть не погрешает рука.
Верную рукопись пусть поищут себе поприлежней,
Где по неложной тропе шло неизменно перо.
Точкою иль запятой пусть смысл пояснят без ошибки,
Знак препинанья любой ставят на месте своем,
Чтобы чтецу не пришлось сбиваться иль смолкнуть
нежданно,

Братье читая честной или толпе прихожан.
Нет благородней труда, чем работать над книгой
святою,

И переписчик свою будет награду иметь.
Лучше книги писать, чем растить виноградные лозы:
Трудиться ради души первый, для чрева второй¹⁵.

Со временем требования, предъявляемые к изготовлению канона, фиксировались в уставах, из поколения в поколение в изустных преданиях передавались нравственные максимы, обеспечивающие высокое качество труда. В. Рабинович в книге «Исповедь книгодея, который учил букве, а укреплял дух» так суммировал эти максимы: «вносить добавления» – «предезкое дело»; перо должно идти «по неложной тропе»; «точка или запятая – орнамент формы, но лишь именно в такой вот и только таким образом орнаментированной форме живет подлинный смысл (просвечивается сквозь нее)»¹⁶.

¹² Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 8. С. 477.

¹³ Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. – М., 1987. С. 111.

¹⁴ Цит по: Добиаш-Рождественская О.А. Указ. соч. С. 173.

¹⁵ Алкуин. Надпись на помещении для переписывания книг // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. – М., 1970. С. 261.

¹⁶ Рабинович В. Исповедь книгодея, который учил букве, а укреплял дух. – М., 1991. С. 151.

Нельзя думать, что подобное отношение к форме как носителю закона характерно только для христианской культуры. Здесь христианство во многом унаследовало уроки иудаизма, присовокупив к ригоризму Талмуда поэтическое воодушевление Евангелия. Д. Щедровилкий, комментируя Ветхий Завет, обращает внимание на высокие требования, предъявляемые к «софрим» (писцам, книжникам), «...которые, создавая новые свитки, с точностью до каждого знака переписывали Тору и другие библейские книги» и к которым «на протяжении веков соблюдалась изложенные в Талмуде строгие предписания». Например: «Сын мой, будь крайне осторожен при переписывании Слова Божьего, ибо, не дописав один знак или внося один лишний, ты можешь разрушить всю вселенную»¹⁷.

Не менее строгие требования предъявлялись к переписчику (каллиграфу) и на мусульманском Востоке. Отдельные фрагменты «Трактата о каллиграфиях и художниках» кази-Ахмеда могут быть прочитаны как развернутый парафраз к характеристике, казалась, странного на первый взгляд поведения Акакия Акакиевича Башмачкина.

О ты, который хочешь стать мастером в письме <...>
Тебе следует оставить покой и сон <...>
День и ночь от этой работы не отдыхать
Отказаться от своих желаний,
Отвернуться от страсти стяжательства и алчности,
Бороться также с плотскими страстями <...>
Сделай своим постоянным занятием – довольство и
послушание,

Не будь ни одного часа нечистым...¹⁸

Н.Н. Таранов, автор книги «Рукописный шрифт», откуда приведены эти слова, поясняет: «В древности каллиграфия ценилась особенно высоко как искусство сообщить графическому знаку эмоционально-символическое значение, передать в нем как сущность слова, так и мысль и чувство каллиграфа. Искусство красивого письма бережно передавалось от мастера к ученику. Писанное слово – талисман, а сам процесс писания – магическое действие»¹⁹.

Самое главное, на что обращает внимание Гоголь, это полное согласие Акакия Акакиевича с занимаемой должностью: «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подмигивал, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его»²⁰.

Комментируя устав Бенедикта, Л.П. Карсавин особое внимание обращал на 12 ступеней «небесного возвышения», явившихся во сне Иакову лестницей, «на которой виделись ему нисходящие и восхо-

¹⁷ Щедровилкий Д. Введение в Ветхий Завет. – М., 2001.

¹⁸ Таранов Н.Н. Рукописный шрифт. – Львов, 1986. С. 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 3-4. С. 111-112.

дящие ангелы». Первая ступень – «монах ходит перед Богом и отвращается от собственных желаний». Вторая – «полный отказ от собственной воли». Третья – «послушанием подчиниться старшему». Четвертая – «повиновение старшему во всем, даже если это сопряжено со страданием». Пятая – «монах должен в смиренной исповеди открывать аббату все свои злые помыслы». Шестая – «действительно смиренный доволен всем, считая себя недостойным рабом». Седьмая – монах ставит себя «ниже других не на словах только, а на деле». Восьмая – «истинно смиренный должен делать лишь то, что предписывается уставом». Девятая – соблюдать молчание. Десятая – не смеяться. Одиннадцатая – проявлять мудрость, довольствуясь немногими словами. Двенадцатая – «смирение в наклоненной голове и опущенных в землю взорах»²¹.

На какой ступени смирения Акакий Акакиевич, который принимает послушание не только в часы, ему отведенные, но и во все прочие, если послушание для него не только налагаемые тяготы, но и радость, наслаждение; и, наконец, если послушание совершенно возносит его к абсолюту, лишая индивидуальной воли («сам не свой»)? В этом случае разве не к Акакию Акакиевичу обращены слова св. Бенедикта: «Взойдя же на все эти ступени смирения, монах быстро достигает любви, которая изгоняет страх. Благодаря ей, он без всякого труда, как бы по природе, по привычке, не из страха перед геенною, а из любви к Богу и вследствие доброй привычки и наслаждения добродетельно станет соблюдать все то, что прежде соблюдал не без ужаса»²².

И здесь нелишним будет завершить выпиской из «Шинели»: «Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи», и после того, как желудок достаточно насыщался, «вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу»²³.

И последний штрих: «Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра?»²⁴.

Такое маниакальное пристрастие к переписыванию большинством читателей и профессиональных исследователей понималось однозначно как патологическое нарушение психики. Несколько примеров. Пишет С.И. Машинский: «Гоголь, конечно, не скрывает своей иронической усмешки, когда он описывает ограниченность и убожество своего героя. Акакий Акакиевич робкий, пришибленный нуждой человек, ценой тяжкого труда и мучительных унижений зарабатывающий свои четыреста рублей в год. Это забитое, бессловесное существо безропотно сносит «канцелярские насмешки» своих

сослуживцев и деспотическую грубость начальника. Нищета духа оборачивается всепожирающей страстью Акакия Акакиевича обзавестись шинелью»²⁵.

Автор совершенно искренне не допускает и мысли, что его «характеристика» замечательно пополняет «канцелярские насмешки», выказываемые сослуживцами герою повести.

Но и у Г.А. Гуковского читаем: «Акакий Акакиевич демонстрирует унижение духа человека, падение его достоинства столь крайнее, какого не было еще ни у одного из «героев» Гоголя»²⁶. И причина эта, как предполагал автор, «убожество», «нищета», трагизм «грошовых» расчетов: «...где взять другие сорок рублей?»²⁷ Неужели Акакий Акакиевич вкупе с Гоголем не знал, где взять эти чиновничьи сорок рублей? Знал, но еще важнее то, что не мог. Ну чем не «смешной идиот» (по выражению Н.Г. Чернышевского²⁸), которому не достает сил выйти на площадь и «все уравнять»? Действительно: «Никаких проявлений подлинно человеческого существа в нем нет; это – машина, а не человек»²⁹. Потом следует поправка: «...Гоголь подчеркивает мысль о том, что и в этом полуживотном есть человек». Бог знает, что лучше: машина или полуживотное...

Только едва ли не на рубеже тысячелетий в Башмачкине увидели «художника»: «Самоотверженная любовь героя “Шинели” к своему должностному занятию свидетельствует, по замыслу Гоголя, не о чем ином, как о погребенном в Акакии Акакиевиче незаурядном таланте, а именно таланте... “художника”»³⁰. Но и здесь не обошлось без ироничной, снисходительной усмешки.

Непонимание гоголевского Башмачкина можно, наверное, было бы объяснить «выпрямляемостью» советского литературоведения, советского искусства. Ведь сумел же Н.В. Томский выпрямить памятник Гоголю в Москве, что не смог (или не захотел) в свое время сделать Н.А. Андреев. Однако едва ли можно уличить в этой «выпрямляемости» А. Белого, Г. Газданова, В. Набокова, высказывания которых М. Васильева в статье «“Шинель” и пересечение параллелей» характеризует следующим образом: «Бережная интонация начала века снова сменилась беспощадной». В этом контексте, по ее словам, «Сегодня письмо В.Г. Белинского кажется чуть ли не лояльным, уже хотя бы потому, что, безусловно жесткое в своих выпадах, оно не допускало ироничного тона»³¹.

Не допускало потому, скажем от себя, что конфликт «Шинели» трагический, неразрешимый. И этот трагизм усугубляется его онтологической природой. Имеет ли право Акакий Акакиевич (читай: Человек, Человечество) на Шинель, иначе, «насуц-

²⁵ Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. – М., 1979. С. 171.

²⁶ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.; Л., 1959. С. 352.

²⁷ Там же.

²⁸ Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2 т. Т. 2. – М., 1981. С. 216.

²⁹ Гуковский Г.А. Указ. соч.. С. 352.

³⁰ Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. – М., 2000. С. 242.

³¹ Васильева М. «Шинель» и пересечение параллелей // Дружба народов. 1997. № 1.

²¹ Карсавин Л.П. Монашество в средние века. – М., 1992. С. 60-61.

²² Цит. по кн.: Карсавин Л.П. С. 61.

²³ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. 3-4. С. 113.

²⁴ Там же.

но необходимое» (Ю. Манн)? Имеет. Обладают ли сущностной ценностью христианские идеалы, в полноте своей воплотившиеся в монашестве? Обладают. Но совпадает ли идея Шинели с истиной, заключенной в Букве? Не совпадает.

Так не честнее ли М. Горький, который, обращаясь к Блоку, в передаче К. Чуковского, сказал: «Я человек бытовой – и, конечно, мы с вами люди <...> разные, и вы удивитесь тому, что я скажу, – но мне тоже кажется, что гуманизм – именно гуманизм (в христианском смысле), должен полететь ко всем чертям...»³².

³² Чуковский К. Дневник. 1901-1929. – М., 1991. С. 106.

Акакий Акакиевич человеку нового времени смешон. Но разве не смешно этому человеку при взгляде на монаха, занятого умонепостижимым трудом по обретению благодати, коснеющего в своем средневековье? Может ли этот человек в полной мере оценить сладость Буквы, которая, как считал Алкуин – «Страж истории»³³. Не может.

И знаком прогрессирующей бездуховности у Гоголя становится перо, беспечно несущееся по бумаге.

³³ Алкуин. Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином схоластиком // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. – М., 1970. С. 265.